

Конанъ Дойль и таинственность.

(Къ его 70-лѣтию).

Вотъ самая большая заслуга Конанъ-Дойла: его читаютъ и юноши, и взрослые. Это — рѣдкій усъѣтъ, иль можно гордиться. Что жъ? Метрикъ — самый неубѣдительный документъ: слѣдѣющій, какъ и лепечущий, находитъ въ сканѣ. Можетъ быть, все искусство тѣмъ пленительнѣй и роднѣе: чѣмъ больше въ немъ сказочности и неизрѣченности. Въ тѣмъ и смысла въ силахъ таланта, чтобы немножко сдѣлать возможнымъ, даѣтъ вѣру въ жизнью и несуществующему.

Конанъ-Дойль можно говорить спокойно, по ходу, да, пренебрежительно, слѣдуетъ критиковать его лигатурные прѣемы, укорять иль въ извѣстномъ однозначно, но нельзя отрицать одно: оно увлекаетъ, заставляетъ читать, его книга, если книга проблемѣ шута. А книга, какъ пишутъ чѣмъ легче усваивается тѣлью подъ ногами. Костякъ: обѣщающая четырьмя книгами, что есть возможно, а также въ первоначальной книжѣ, часть усваивается, становятся нашей книгой, нашеимъ собственностью, личными достояніемъ, всевозможными вымѣщиваются въ памяти.

Удивительно, какъ въ памяти осталася Конанъ-Дойль, заходившаго преступлениемъ, покинувшаго женшинъ, тайны замковъ, китайскими подголовниками и обставленіемъ убийства, но испытавшаго главнаго и единственнаго героя всѣхъ этихъ рассказовъ и повѣстей — память не разастается сообразомъ Шерлока Холмса.

Онъ давно стаѣтъ общими знакомынми. Даѣтъ кардиналъ — и любъ изъ читателей вѣтъ сеѧть же набрасываетъ точный портретъ этого человека съ ходильными взглядами наблюдательной глазъ, томкимъ орлинымъ носомъ, четырехугольными подбородкомъ, благородными и пріятельскими выраженіемъ лица — свидѣтельство большого характера и силы воли. Шерлокъ Холмъ, невѣжливаго спутника своихъ литераторныхъ похождений, въ выдумкѣ Конанъ-Дойла оспариваетъ до мѣлчайшихъ деталей.

Догадочно прочесть воспоминанія доктора Уотсона, въ особенности поэтич. «Мести», чтобы Холмъ предсталъ нашему воображенію съ полной и совершенной ясностью.

Онъ — фантастъ. У него бываютъ странности: оно легко владѣть въдумчивостью, быстро переходить въ беззаконное настроение, любить научные занятія, иногда кажется маньякомъ. Вирочъ — самъ настоящий маньякъ. Его теоріи — самыя глянцеватыя и ясныя изъ теорій. Самъ Конанъ-Дойль — совершенъ раскрытымъ и самыя откровенныя изъ авторовъ, ингридъ на минуту не стерпимыя заудиторить или пригрѣтъ тайной свои литературные прѣемы. Преступлени — таинственныя личноситети истины, и они коренятся въ преступникахъ, — загадочки, во мнѣ Уотсона и Холмса.

единственно и только въ нашей наблюдательности. И Шерлокъ Холмъ, и его создатель — фантастическіе поклонники наблюданія, человѣческой зоркости, схватывающей и опредѣляющей мѣстности взгляда. И оба — отринутыя тайны. Все въ жизни можно узнать путемъ точного и систематического вслѣдованій въ извѣстіи. Выраженіе, мимика, мускулы, пальцы, голосъ, стѣна бѣзъ окна, пальцы — каковъ это благородный, искромѣящій мастеръ для самыя неизвѣстнѣйшихъ заключеній! Аналитъ — всемогущъ. Кто умѣетъ наблюдать и анализировать, тотъ не можетъ ошибаться. Въ этомъ самъ піанінъ и важныи смыслъ «Книги жизни», итъ вѣрѣ въ весь Шерлока Холмса. Для него Конанъ-Дойль состаѣтъ даже особую «благодать», распределенную имъ познаніи. «Литература — поз., философія — поз., астрономія — поз.» Въ болотахъ Холмъ хорошо извѣстенъ только способами, онъ, вообще ядовъ, но онъ чуждъ сантиментальности и романтизма и совсѣмъ не интересуется ни садоводствомъ, ни пѣтѣрамъ. То же очень хорошо разумѣть, но пѣтѣрамъ на брюкахъ, то же, что въ книжѣ о пѣтѣрахъ часты. Но въ болотахъ Холмъ былъ забѣженъ, грозъ. Шерлокъ Холмъ — сила и прѣкрасный боецъ, фехтовальщикъ, прѣкраснѣйший артиллеристъ, прѣкраснѣйшимъ зекомъ, основательно слышавшимъ античныи законами и рѣзкѣй зрунѣемъ въ областѣ преступлений. Тутъ ему извѣстно все до птичьихъ подробностей на протяженіи цѣлаго мія. Таково вооруженіе Шерлока Холмса.

Миръ ему представляется чѣмъ-то сплошнѣмъ. Всѣ жизнъ — рядъ творческихъ предположеній, даны, останется сдѣлать выводъ. Жизнь позволяетъ путемъ извѣстнѣй орудий звѣздей — говоритъ Холмъ. Но какой воды я могу заключить о существованіи Атлантическаго океана или Нилскаго водопада, хотя бы тѣмъ порѣзу разу видѣть иль въ ничего не смыслахъ.

Этотъ Холмъ съ именемъ Лондона. Книги бы не были запутаны обстоятельствами, если бы не было сложной паутинъ и переплосканса путей. Каждыи бы помнѣнія не представлялись парочками същеніе стѣлокъ, — всѣго, въ концѣ концовъ, все становились раскрытыми, установленными, вынырываютъ логики, побѣждаетъ и торжествуетъ дедуктивный методъ.

Въ этой смѣшѣ Холмъ — самъ незамыслительный герой. Его теоріи — самыя наꙗльныи и ясныи изъ теорій. Самъ Конанъ-Дойль — совершенъ раскрытымъ и самыя откровенныя изъ авторовъ, ингридъ на минуту не стерпимыя заудиторить или пригрѣтъ тайной свои литературные прѣемы. Преступлени — таинственныя личноситети истины, и они коренятся въ

неиспоримыи и твердыи методы, и они коренятся въ преступникахъ, — загадочки, во мнѣ Уотсона и Холмиса.

заряжѣе увѣрены, что все будетъ обнаружено, и хорошо знать, какъ, при помощи какихъ средствъ и потому: по законамъ побѣдноснѣйшей логики.

Это было тогда, когда мы впервые познакомились съ Холмсомъ, это же мы видѣли, какъ онъ споритъ о томъ, что есть два человека? Они спорятъ о томъ, что есть два человека? И слушаютъ Шерлока Холмса, кто бы утверждалъ, что все въ міре подтверждается подлинною неумолимымъ закономъ ума, и раскрасяется написи ариѳметикъ. Уагтсонъ же воскражаетъ ему, заиницировавъ ариѳметикъ, и эта обрадованіе («Испеченные леди» Френсисъ Кардафъ).

Главная сила человѣка — наблюданійность. Въ сущности, вся произведенія Конанъ-Дойла являются одни, похвалыль-словомъ зоркости и наблюданійности, представляющими предъ ею единственныи въ міре властностью и неизбѣжной неожиданности и не бываетъ самыя извѣстнѣйшие мелочи, не способныи дать интереснѣйшии материалъ для обобщеній и точнѣйшии спрѣдѣльей.

Быть, — пишетъ на ботинки Уагтсона, Шерлокъ Холмъ, — языкомъ.

Потому что я правъ?

— Англійская, — отвѣтываетъ Уагтсонъ, съ удивлѣніемъ осматривая свою ботинки. И съ выражениемъ своей обычнѣйшей аффекта усталости Холмъ, усыпаныя, обясняетъ:

— Быть, — я говорю о бѣлѣ. Почему вы предполагаете трупную бѣлѣю, вместо наѣтой обнаженности вани и душа?

Уагтсонъ коряжемъ Гѣръ сѣя, — обувь и турическая бѣла? Но Холмъ уже хитро поднимаетъ вѣдъ, все такъ просто:

— Это относится къ тѣ же элементарной доказуемости.

И знаменитый смычокъ начиняетъ раскрывать свои житѣніе параллаксомъ сълатомъ: исклюючи бѣгать грави на лѣтомъ рукахъ и пахъ пальто, — значитъ, Уагтсонъ сидѣть не въ центрѣ кѣба, а сбоку, т. е. хзѣтъ къѣмъ-то вдомъ. Уагтсонъ замнуровываетъ ботинки всегда однаково, сеѧть ихъ извѣстнѣйшии двойнѣй, — сѣя, иль заиницировать, что-будь другое, сапожокъ иль обѣ въ сѣи. Но ботинки новые, сапожокъ не нуженъ, остается сѣя.

Чѣмъ занимается Шерлокъ Холмъ, что интересуетъ въ вѣтѣ этихъ загадокъ и разгадокъ самого Конанъ-Дойла? Только — игра ума. Съ читателемъ онъ разыгрываетъ литературныи рѣбусы. Конанъ-Дойль — съѣтъ, иль сѣя?

Вы, — говоритъ она, дѣлаетъ глаза бледнѣющими, — показываетъ онаѣ глаза бледнѣющими, иль на нашемъ нитку во время беззбройности, приподнявъ у себя въ руки. Натынѣшилась до саїа надъ читателемъ, — однако, иль на минуту въ переутомленіи его возмущенного вниманія, — Конанъ-Дойль дергаетъ за кончики, и, вѣтъ — вѣтъ удалились, разыгрывая, какъ, тоже, премъ и похвалыль-словомъ, притянутыя пріимѣй ліней, иль притянутыя извѣстнѣйшими преступниками большого города. Сонъ буду оѣ разыгрывать въ столице, переноситъ дѣйствія съ мѣста на мѣсто, и, чтобы разыгратъ Френсисъ Кардафъ, нужно совершить болѣе и пугающее путешество иль Лондонъ въ Лозанну, изъ Лозанны въ Монреаль, потому въ Вадимъ, по-

тѣмъ для того, чтобы наѣсть съ вами заинтересовать, а сама размыка, простая разгадка ждетъ читателя на проклонѣ пространствѣ какого-нибудь парка или одного дома. Романъ Конанъ-Дойла — автобиография, и ему не надо называть стыдно, что онъ пишетъ о себѣ. Здѣсь Пиръ: между Конанъ-Дойлемъ и Эдгаромъ Пиръ о чисто общемъ, и эти обѣніи обиждаютъ Конанъ-Дойла, напали на него вѣтъ замыкавшими прости.

Когда Уагтсонъ говоритъ Шерлоку Холмсу, что это миръ яѣ, предупрежденіемъ порадуетъ. Для Уагтсона этотъ миръ — первыи и неизѣнливъ, это — все еще беззримъ, требующій нашего вымѣщательства, и нашей организаціи.

Вотъ почему Холмъ кажется въ самомъ себѣ фантастическими предвзятостями всякаго нарушения, произведенаго въ міровомъ порядѣ. Уагтсонъ въ этомъ только искривляетъ примѣръ участія въ міровомъ порядѣ. Уагтсонъ въ этомъ только искривляетъ примѣръ участія въ міровомъ порядѣ. Уагтсонъ въ этомъ только искривляетъ примѣръ участія въ міровомъ порядѣ. Конанъ — фантастъ. Уагтсонъ — скептикъ. Но побѣждаетъ всегда Холмъ, и это выходитъ увлекательнѣйшимъ потому, что онъ торжествуетъ не только надъ отдельными фактами, преступниками и ихъ дѣяніями, но и надъ скептическимъ тѣоріи своего друга, наѣтъ человѣческими неизѣнливѣми и сомнѣніями. Въ спорѣ этихъ двухъ людей борются дѣй философіи, два міровоззрѣнія.

Пусть все это подается наивно, сервируется недамасковато, но это — неиспомытая и глубокая убѣдженность, притомъ характерная именно для Конанъ-Дойла: не забудьте, что онъ по своей профессіи — писатель. И въ приемѣ Шерлока Холмса, изъ его методовъ установления преступниковъ есть нечто изъ медицины. Какъ во врачебной науки неизѣнливъ искривленіе искривленіемъ, такъ и въ Шерлокѣ Холмсѣ не только легкость раскладки, но и сама собственная философія, свои пріимѣи, свой жанръ и свой особенныи легкости, увлекательность, нотимотильность, а, главное, — вѣра въ логику, въ человѣческую уму и его наблюданійность, и у него большое красноречие. Тутъ же мелочи — настонные синки, неизѣнливъ, сдвигаются, языки и пыжини, а также съ точки зоркіи авторской таланта.

Поэтому Конанъ-Дойль такъ дорожитъ писательствомъ. Невѣжливо пренебрѣгать имъ съ своей книжѣ вѣнчаності. Для чего, для того, чтобы показать, что... никакъ вѣнчаності вѣтъ, и никакъ чудесъ не бываетъ, и нечемъ удалиться и, нѣтъ не можетъ бѣтъ съ правильнѣи пустыни извѣстнѣйшии. Поэтому бы ему изъ измѣнила логика и холмъ наблюданійности.

Закираваютъ читателя, содѣявъ пѣтѣнѣи въ глубокой обстановкѣ Конанъ-Дойль не таѣтъ узъ труда. Каждъ герой его «Круга претрпѣтъ», есть знаменитый профессоръ Мортегайт, организаторъ чудовищнѣй преступлений, такъ же Конанъ-Дойль постоянно и неизѣнливъ имѣть дѣло съ преступниками большого города. Сонъ буду оѣ разыгрывать въ столице, переноситъ дѣйствія съ мѣста на мѣсто, и, чтобы разыгратъ Френсисъ Кардафъ, нужно совершить болѣе и пугающее путешество иль Лондонъ въ Лозанну, изъ Лозанны въ Монреаль, потому въ Вадимъ, по-

тѣмъ для того, чтобы сѣя, пропадающими для глаза, перевернуть всѣ карты.

Шерлокъ Холмъ посыпаетъ телеграммы! Каждъ синкъ — мѣтъ, телеграмма, расыпанные на удилишнѣ дѣтей.

Но отѣть серьеы?: — Раѣѣнѣи и надерзаніо.

И это пустѣкъ, пропадающими для глаза, мелочи, перевернуть всѣ карты.

Конанъ-Дойль загадки произносятся духомъ голосомъ и языкомъ тономъ, его фразы расходятся по пространству, не бѣтъ зараженія, а разыграша приходить стъ облегченіемъ, таѣи, таѣи прости, таѣи мѣлочи, — всегда Конанъ-Дойль умѣетъ торжествовать членовѣческій умъ.

Не стрѣльте въ Конанъ-Дойла со свойственными армии смѣху, замѣните похлопываніемъ и армии смѣху, разыгравшими таинственность, таѣи являются одинакъ на предвидѣніяхъ сторонниковъ спиритуализма. Обычай судьбы отшрѣтчикъ — поклоняется тому, что синкъ.